

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на коллективную монографию «Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия» (отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. 320 с.)

Представленное коллективом авторов научное издание состоит из двух глав, каждая из которых посвящена анализу и систематизации определенных специфик дискурса, а также применению предложенных авторами методологий исследования дискурса для изучения некоторых его составляющих. Внимание авторов монографии сосредоточено на исследовании институциональных видов дискурса, в первую очередь академического, а также медийного, смертельного и т. д.

Первая глава «Дискурсивный анализ в современной лингвистике» выполняет важную разъясняющую роль, фокусируясь на теоретических вопросах, актуальных для адекватного понимания и изучения дискурса, правильного выстраивания в нем смысловых иерархий.

Спецификой главы выступает свойственное всем разделам качество: для объяснения ключевых понятий, связанных с теорией дискурса, его конструированием и декодированием, авторы переосмысливают классические работы выдающихся российских и зарубежных лингвистов. Подобный подход вполне логичен, так как для научного познания, для развития новых теорий характерна преемственность: новое знание формируется из старого, расширяя известные теории и устанавливая новые связи между уже существующими понятиями. Именно этот процесс — связи уже знакомого и понятного с новой мыслью, новым пониманием — можно наблюдать в первой главе монографии.

В разделе «К определению понятия *дискурс*», в котором систематизируются подходы к толкованию термина «дискурс», Д.Д. Холодова справедливо

указывает на множественность его интерпретаций даже в рамках самой лингвистики. Учитывая некоторые составляющие дискурса, а именно: контекст, интенциональность, жанр, целостность, автор формулирует сложное и комплексное определение данного термина, представляющего собой «процессуальное, интерактивное явление, связанное с реальным речевым событием, в то время как текст оказывается продуктом речепроизводства, обладающим целостной и завершенной формой» [17: с. 15]. В разделе также акцентируется роль дискурса при изучении ментальных фрагментов картины мира.

Рассматривая лингвистические параметры описания междисциплинарного термина *дискурс*, Г.Н. Манаенко отмечает, что его применение при описании *речевых явлений* является общим для различных научных школ и направлений. Однако чем-то неуловимым дискурс отличается от термина «речь» [8: с. 18]. Действительно, точность лингвистического описания данного термина важна, во-первых, для его адекватного теоретического осмысления в системе общей теории дискурса и взаимодействующих с термином *дискурс* понятий, а во-вторых, для создания эффективных методологий, позволяющих качественно конструировать и изучать создаваемые в обществах дискурсы. Интересна представленная Г.Н. Манаенко систематизация ошибочного толкования понятия *дискурс*, ведущая к подмене терминов.

Как отмечалось ранее, авторы часто находят объяснение актуальным вопросам лингвистики в классических работах. Для поиска стратегии правильной интерпретации дискурса Г.Н. Манаенко рекомендует обратиться к трудам М.М. Бахтина и триаде Л.В. Щербы «язык – языковой материал – речь», учитывающей три проявления языка. И М.М. Бахтин, и Л.В. Щерба успешно соотносят дискурс с человеком и его речевой деятельностью. А определение специфик дискурса, сформулированное Н.Ф. Алиференко, как раз и отражает данный подход: «как коммуникативное событие дискурс — это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации. В то же время, образуя своеобразное семантическое единство, дискурс, безусловно, является лингвокультурным образованием» [8: с. 23].

Далее фокус главы переносится на исследование соотношения термина *дискурс* с другими понятиями. Раздел «Дискурс и дискурсивное пространство» С.Н. Плотниковой исследует важную роль пространственных отношений в мета-языке лингвистики. Автор отмечает, что рассмотрение текста через призму понятия пространства восходит к трудам В.Н. Топорова, который в работе «Пространство и текст» впервые ставит вопрос о соотношении текста и пространства [15]. Анализируя предложенные В.Н. Топоровым два полюса соотношения пространства и текста, С.Н. Плотникова представляет свое понимание дискурсивного пространства — «это не только текстовое пространство, но также пространство разговора, разговорного дискурса» [11: с. 34], «среда сосуществования и функционирования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо принципу» [11: с. 35]. Понятие дискурсивного пространства

объясняется через контекст, однако автор подчеркивает, что они не являются тождественными. Иллюстрация данного вывода наглядным примером демонстрирует природу взаимоотношений этих терминов — для понимания дискурса нужно знать контекст; дискурс и контекст имеют различное содержание: контекст — необходимое условие формирования дискурса. Разъяснение взаимосвязи понятий дискурсивного пространства, иллюстрация данных связей примерами позволяет лучше понять природу самого дискурса и процесс его создания, выделить аспекты, важные для его понимания, определить место индивида на различных этапах конструирования дискурса.

Великолепным иллюстративным потенциалом, на наш взгляд, обладает пример, которым автор завершает раздел. С.Н. Плотникова описывает конференцию, которая проводилась канадским университетом вместе с музеем. На этой конференции подчеркивалась необходимость создания новой концепции музейной экспозиции, в рамках которой должно создаваться особое нарративное пространство, вызывающее соответствующую реакцию посетителей. Таким образом автор аргументирует свою точку зрения о том, что понятие дискурсивного пространства обладает эвристическим потенциалом; оно проникает в интеллектуальное и социальное пространство. В результате автор связывает дискурсивное пространство с понятием гуманитарных технологий, размещая исследования дискурса и дискурсивного пространства в широкий междисциплинарный контекст, делая очевидной теоретическую и практическую ценность подобного направления [11: с. 55].

Безусловно, рассматривая различные подходы к определению понятия *дискурс* и способов его понимания, интерпретации, вполне логичным и актуальным становится выявление наиболее эффективной методики проведения дискурсивного анализа. Данной теме посвящен раздел «К вопросу о методике дискурсивного анализа», в котором О.А. Сулейманова и О.Г. Лукошус через определение термина *значение* и раскрытие природы значения *слова* показывают, насколько феномен значения важен для дискурсивного анализа. Авторы иллюстрируют несоответствия во множествах толкований слова «значение» и выступают против «использования этих слов в качестве терминов метаязыка без предварительной точной и однозначной дефиниции» [14: с. 65]. Правомерно указано, что многие термины, в силу их кажущейся известности, часто не получают конкретного определения лингвистического термина (например, термины *определенность / неопределенность, абстрактность, контролируемость*).

В разделе выделяется ряд актуальных для современной лингвистики проблем, а именно: 1) несоответствия в толковании терминов; 2) отсутствие описания понимания известных слов в качестве лингвистических терминов; 3) несовпадение терминологического аппарата различных лингвистических направлений.

Авторы предлагают совершить точное семантическое описание дискурса через определение проблемы метаязыка в лингвистике, значения языкового знака, основанного на сообщаемой информации, рассматривая соотношение

значения и денотата, а также принимая к сведению, насколько индивидуально и изменчиво значение. Описывая возможности нерелевантности значения и его употребления, О.А. Сулейманова и О.Г. Лукошус расширяют методологию дискурс-анализа и, как нам кажется, одновременно через демонстрацию связи значения с рядом других важнейших терминов разъясняют суть процесса познания, понимания.

Логичным завершением первой главы монографии выступает раздел о соотношении понятий «смыслы дискурса» и «значения текста» (Г.Н. Манаенко [9]). Позиция автора, от которой он отталкивается при объяснении понятий: дискурс порождает тексты, отражающие специфику взаимодействия людей. Стимулом к порождению информации выступает желание человека разделить свое знание, сделать его понятным другому. Данный процесс охарактеризован как демонстрация смыслов. Получатель информации играет активную роль, влияет на коммуникативные выборы адресанта. Автор подчеркивает, что в сознании идеальные формы преобразуются в значения. Значение языкового выражения — есть факт сознания.

Во второй главе «Анализ различных дискурсивных практик» авторы переходят к иллюстрации методик дискурс-анализа, направленных на понимание его различных аспектов, например стратегий и тактик. Особое внимание получает академический дискурс, видимо, в силу его актуальности в XXI в., обусловленной наличием в современных обществах различных форм процесса непрерывного обучения, необходимостью популяризации науки, поиском эффективных форм передачи знания. Внимание авторов также обращено и на другие виды институционального дискурса.

О.Г. Лукошус в разделе «Академический дискурс как деятельность и как наука» продолжает разговор, начатый в первой главе монографии: теоретические вопросы, затронутые ранее, рассмотрены на основе научных парадигм, которые объясняют не только актуальность каких-либо научных веяний, методологий, но и специфику отношений между учеными. Для осмысления сути антропоцентрической парадигмы, характерной для современной лингвистики, в работе представлен анализ 1000 диссертационных исследований по теории языка, дающий представление об актуальных для лингвистики научных направлениях [7: с. 105]. Дискурс, концепт, семантика и лингвокультурология определены как наиболее «популярные фокусы» современных исследований в области теории языка. Автором выявлено, что интегральность выступает особой характеристикой современной лингвистики и исследуемых в ее системе дискурсов.

Продолжая тему исследования академического дискурса, А.А. Водяницкая рассматривает стратегии и тактики оценки, которые могут быть реализованы в жанрах научной дискуссии и курсовой работы. Оценочный потенциал определен как неотъемлемая часть академического дискурса [2: с. 111]. В разделе указаны стратегии, типичные для научной дискуссии, и тактики, с помощью которых они реализуются. Интересным, на наш взгляд, является то, что автор

разделяет тактики по принципу адресанта, т. е. источнику их формирования. Это может быть руководитель секции, докладчик или слушатели. Подобный принцип и представленная автором методология, основанная на семантическом анализе, безусловно, актуальны при изучении других видов институциональных дискурсов.

В фокус внимания Л.Г. Викуловой и О.И. Короленко попадают коммуникативные практики академического дискурса, типичные для Франции XVII–XVIII вв. при становлении деятельности Французской академии и повлиявшие на развитие «академической речевой практики в контексте реальности Нового времени и эпохи Просвещения» [1: с. 133]. Выделение и анализ роли этапов продвижения лингвистического знания, которые предшествовали созданию Французской академии, способствуют осознанию, какие формы коммуникации знания могут быть адаптированы в современную реальность, например публичные лекции или престижные конференции, направленные на повышение статуса ученого, что, безусловно, является актуальным вопросом для современного российского общества. Интересны выделенные авторами жанровые специфики речевой практики исследуемого периода, например категория ритуализированности, реализуемая при произношении торжественных речей. Авторы выделяют такие жанры академического дискурса, как торжественная речь, комплимент и поздравительная речь (*эпидейктические жанры*), а также ответное слово, благодарственное слово [1: с. 148–158]. Отмечается, что эмоционально-чувственные категории (радость, признательность, учтивость) активно использовались в изучаемом дискурсе и, наверное, могли бы быть частью современного академического дискурса вместе со стратегиями, акцентирующими аргументацию и интеллект.

Идея необходимости в использовании опыта организации научной деятельности Франции прошлых веков продолжатся в разделе «Вступительная речь как жанр академического дискурса: французская энциклопедия XVIII века» (автор С.А. Герасимова [4]). Отмечается, что совокупность текстов, конструируемых участниками в процессе коммуникации, формирует дискурс и его специфику. В центре внимания С.А. Герасимовой — прагматический аспект функционирования научного дискурса как институционально-ориентированного, направленного на формирование нового знания и реализуемого с помощью многообразия устных и письменных жанров. Указаны такие характеристики письменного жанра научного дискурса, как первичность (текст) / вторичность (паратекст) [4: с. 162].

Исследуемая автором вступительная (предварительная) речь к «Энциклопедии, или Толковому словарю наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) Дени Дидро (1713–1784) и Жана Даламбера (1717–1783) выступает как первичный тип текста. В ходе анализа в разделе определяются понятия дискурсивной личности, а ее коммуникативный потенциал характеризуется как важнейшая составляющая

вступительной речи. Очевидно, что предложенный С.А. Герасимовой подход к анализу научного дискурса как институционального может быть использован при анализе других видов дискурса, особенно для определения уровня их диалогизации, направленности на адресата. Обозначенные автором компоненты, способствующие повышению престижа ученого в частности и научного сообщества в целом, крайне актуальны для современного российского общества (см., например, [18]).

Тема конструирования диалога с читателем продолжена в разделе «Академический дискурс как непрерывный диалог с *Другим*» О.А. Сулеймановой, рассматривающей формы взаимодействия автора с предполагаемым читателем. В разделе представлено глубокое теоретическое осмысление феномена *Другого*: рассмотрены его интерпретации в литературоведении, традиционном дискурсивном анализе, выявлены различия и возможные совпадения в теоретическом толковании [12: с. 181–185]. Соответственно, раздел представляет собой ценный с теоретической позиции анализ понимания *Другого* в гуманитарном знании; представленные средства референции *Другого* эксплицируют единицы, способные участвовать в этом процессе. Предложенная автором типология конструирования *Другого* в академическом дискурсе может, безусловно, использоваться как основа для анализа институционального дискурса. Касательно академического дискурса сделан вывод о том, что отсылка к *Другому* в нем частотна, причем как с помощью очевидных, так и имплицитных средств, что указывает на важность налаживания связи автора с академическим дискурсивным сообществом.

Вполне логично, что в монографии затронут вопрос о месте субъекта в академическом дискурсе. М.А. Фомина рассматривает академический дискурс как коммуникативный процесс, направленный на солидаризацию с научным сообществом и одновременную трансляцию нового знания, создаваемого автором. На материале жанра диссертационного исследования М.А. Фомина, обращаясь к феномену диалогичности и трудам М.М. Бахтина, иллюстрирует использование субъективно-оценочных (хеджи) и акцентирующих формул (бустеры), которые позволяют автору исследования выразить свое «я» [16: с. 201–208]. Примеры из корпуса демонстрируют средства, передающие в диссертации настроение автора и позволяющие включить в процесс коммуникации *Другого* (по [13]). Проведенный М.А. Фоминой контент-анализ 10 диссертаций, защищенных в 2015 г., систематизирует способы выражения субъективной оценки.

Раздел А.А. Водяницкой «Научный руководитель как субъект академического дискурса: через оценочные значения к осмыслению его роли» продолжает тему субъекта в рассматриваемом виде дискурса. Анализ проводится на материале курсовых и дипломных работ студентов-бакалавров и магистров, будущих лингвистов-переводчиков, для которых научный руководитель играет важную роль при написании научной работы [3: с. 211–212]. Методика, используемая А.А. Водяницкой для работы с исследовательским корпусом, подробно описана в первой главе монографии (в разделе О.А. Сулеймановой и О.Г. Лукошус [14]).

Интересный и полный анализ примеров из студенческих научных работ иллюстрирует желание научного руководителя привить студенту стремление к истине, стимулирующее осмысление студентом темы исследования. Оценочность, как и в разделе М.А. Фоминой [16], определяется как главный параметр, выявляющий роль научного руководителя и формы его взаимодействия со студентом. Детальный анализ ошибок и комментариев, представленных в главе, может вполне стать основой для формирования пособия или даже учебника для студентов по написанию научных работ [3: с. 217–234].

М.Ю. Евтеева в разделе «К вопросу об употреблении глаголов описания и презентации исследовательской деятельности в русскоязычном академическом дискурсе (на материале статей по лингвистике)» рассматривает выбор и использование возвратной и невозвратной форм глагола, а также причастия в процессе презентации исследовательской деятельности. Отталкиваясь от мотива автора при исследовании употребления глаголов в тринадцати статьях современных лингвистов, М.Ю. Евтеева выявляет пять тенденций в использовании возвратных и невозвратных глаголов, а также причастий [5: с. 241]. Иллюстрируя каждую тенденцию примерами из эмпирического корпуса и подробно рассматривая эти примеры, автор делает вывод, что указанные глаголы избираются авторами целенаправленно для управления фокусом внимания адресата. Глубокий анализ примеров, как нам кажется, позволяет понять, какие глаголы могут выступать в качестве наиболее эффективных средств передачи информации в академическом дискурсе.

Как было отмечено ранее, возможности применения теорий дискурс-анализа рассмотрены авторами монографии не только на материале академического дискурса. Так, М.В. Желтухина в разделе «Политический медиадискурс страха» отмечает, что развитие данного вида дискурса обусловлено особенностями культуры конца XX – начала XXI в. и, как следствие, изменениями в картине мира людей [6: с. 265–266].

Учитывая то место, которое медиадискурс занимает в жизни современного человека и формировании его картины мира, исследование М.В. Желтухиной обладает очевидной актуальностью. В разделе систематизированы агональные медиаобращения, а также причины негативизма в массмедиа. Следствием данных тенденций указаны конструирование новых мифов и появление новых медиажанров, обусловленных пересечением различных типов дискурса. Как результат, на людей оказывается такое сильное воздействие, которое быстро изменяет их мировоззрение, сознание и социальное поведение. Можно сказать, что данный раздел — это глубокий анализ того, как в обществе можно управлять сознанием, формируя новые стереотипы и мифы.

Исследование медиадискурса продолжено в разделе О.А. Шендаковой «Факторы, определяющие организацию медиадискурса: интервью и статья», в котором, как видно из названия, автор исследует отдельные популярные жанры современных СМИ, выявляя закономерности в построении медиадискурса англоязычных и русскоязычных интервью и статей. В качестве материала

исследования О.А. Шендакова использует транскрипты интервью с англоязычными и русскоязычными учеными-лингвистами и работниками высшего профессионального образования: тема раздела объединяет академический и научно-популярный дискурсы. Автор объясняет принцип, по которому статьи и интервью можно классифицировать как публицистические или научно-публицистические. Анализ единиц из обширного исследовательского корпуса позволяет автору прийти к выводу о том, что фактор адресата играет определяющее значение при выборе элементов других уровней (например, синтаксического). Взаимосвязь рассмотренных О.А. Шендаковой факторов адресата, речевой культуры, формата дискурса и формы речи наглядно представлена в схемах, иллюстрирующих взаимодействие факторов и на уровне дискурс-анализа, и на уровне синтаксиса [19: с. 299–300]. Безусловно, подобное комплексное рассмотрение указанных жанров академического дискурса является важным этапом в изучении их специфики, а также в построении типологий и методологий для характеристики возникающих сложных жанров, например, в сфере образования.

Завершается монография разделом, исследующим риторику смертности в викторианском дискурсе (автор Н.В. Морженкова), повлиявшей на формирование современной английской национальной ментальности. В разделе отмечается, что рассказ, повествующий о смерти, — важный жанр в Англии XIX в., в силу того, что «мортальное пространство оказывается локусом саморефлексии викторианской культуры и культурного смыслопорождения» [10: с. 303]. Н.В. Морженкова указывает на такие характеристики жанра, как разножанровая интердискурсивность, эвфемизация, образность, берущие свое начало в религиозной картине мира викторианской эпохи. Анализ материала исследования, позволяющий автору систематизировать детали посмертного бытия викторианцев, раскрывает суть типичных для эпохи концептов о смерти с присущими им сценариями ухода в мир иной.

Читателю может показаться, что данный раздел выбивается из общей тематической канвы монографии. Однако проведенный автором анализ дискурса с выделением его особенностей, культурно обусловленных концептов и сценариев, типичных для викторианской эпохи, безусловно, является значимой частью монографии, наглядно иллюстрирующей, что полноценный исследовательский корпус и основательная методология дискурс-анализа могут применяться при изучении особенностей и глубинного понимания любых видов и жанров дискурса.

Итак, монография «Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия» предлагает вниманию интересующихся вопросами исследования дискурса теоретические осмысления и предложения, которые могут применяться в ходе анализа дискурса, а также иллюстрирует возможности использования этих теоретических подходов при исследовании и конструировании составляющих академического, медийного и других видов дискурса.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г., Короленко О.И. Академический дискурс: диахронический вектор коммуникативной практики XVII–XVIII веков (Франция) // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 133–160.
2. Водяницкая А.А. Оценочные стратегии и тактики в научной дискуссии как жанре академического дискурса // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 109–132.
3. Водяницкая А.А. Научный руководитель как субъект академического дискурса: через оценочные значения к осмыслению его роли // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 211–238.
4. Герасимова С.А. Вступительная речь как жанр академического дискурса: Французская энциклопедия XVIII века // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 161–179.
5. Евтеева М.Ю. К вопросу об употреблении глаголов описания и презентации исследовательской деятельности в русскоязычном академическом дискурсе (на материале статей по лингвистике) // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 239–264.
6. Желтухина М.Р. Политический медиадискурс страха // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 265–289.
7. Лукошус О.Г. Академический дискурс как деятельность и как наука // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 100–108.
8. Манаенко Г.Н. Дискурс и лингвистические параметры его описания // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 17–30.
9. Манаенко Г.Н. Смыслы дискурса vs значение текста // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 83–99.
10. Морженкова Н.В. ARS MORIENDI: смертность в викторианском дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. С. 303–318.
11. Плотникова С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 31–61.
12. Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 180–198.
13. Сулейманова О.А. Диалог с Другим в академическом дискурсе // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: мат-лы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 апр. 2016 г.). М.: Языки Народов Мира, 2016. С. 539–547.

14. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 62–82.
15. Топоров В.Н. Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М.: Наука, 1983. С. 227–285.
16. Фомина М.А. Субъект в академическом дискурсе // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 199–210.
17. Холодова Д.Д. К определению понятия дискурс // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 7–16.
18. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
19. Шендакова О.А. Факторы, определяющие организацию медиадискурса: интервью и статья // *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 290–302.

References

Literatura

1. *Vikulova L.G., Korolenko O.I. Akademicheskij diskurs: diaxronicheskij vektor kommunikativnoj praktiki XVII–XVIII vekov (Franciya) // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 133–160.
2. *Vodyaniczkaya A.A. Ocenochny'e strategii i taktiki v nauchnoj diskussii kak zhanre akademicheskogo diskursa // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 109–132.
3. *Vodyaniczkaya A.A. Nauchny'j rukovoditel' kak sub"ekt akademicheskogo diskursa: cherez ocenochny'e znacheniya k osmy'sleniyu ego roli // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 211–238.
4. *Gerasimova S.A. Vstupitel'naya rech' kak zhanr akademicheskogo diskursa: Francuzskaya e'nciklopediya XVIII veka // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 161–179.
5. *Evteeva M.Yu. K voprosu ob upotreblenii glagolov opisaniya i prezentacii issledovatel'skoj deyatelnosti v russkoyazy'chnom akademicheskom diskurse (na materiale statej po lingvistike) // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 239–264.
6. *Zheltuxina M.R. Politicheskij mediadiskurs straxa // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 265–289.
7. *Lukoshus O.G. Akademicheskij diskurs kak deyatelnost' i kak // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 100–108.
8. *Manaenko G.N. Diskurs i lingvisticheskie parametry' ego opisaniya // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya* / отв. ред. О.А. Сulejmanova. М.: Ленанд, 2018. S. 17–30.

9. *Manaenko G.N.* Smy'sly' diskursa vs znachenie teksta // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 83–99.
10. *Morzhenkova N.V.* ARS MORIENDI: mortal'nost' v viktorianskom diskurse // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 303–318.
11. *Plotnikova S.N.* Diskurs i diskursivnoe prostranstvo // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 31–61.
12. *Sulejmanova O.A.* Akademicheskij diskurs kak neprery'vny'j dialog s Drugim // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 180–198.
13. *Sulejmanova O.A.* Dialog s *Drugim* v akademicheskom diskurse // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: mat-ly' Pervoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–16 apr. 2016 g.). M.: Yazy'ki Narodov Mira, 2016. S. 539–547.
14. *Sulejmanova O.A., Lukoshus O.G.* K voprosu o metodike diskursivnogo analiza // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 62–82.
15. *Toporov V.N.* Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983. S. 227–285.
16. *Fomina M.A.* Sub'jekt v akademicheskom diskurse // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 199–210.
17. *Xolodova D.D.* K opredeleniyu ponyatiya diskurs // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 7–16.
18. *Chernyavskaya V.E.* Nauchny'j diskurs: Vy'dvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazy'kovaya problema. M.: Lenand, 2017. 144 s.
19. *Shendakova O.A.* Faktory', opredelyayushhie organizaciyu mediadiskursa: interv'yu i stat'ya // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 290–302.